

Записки Шерлока Холмса

Василий Ливанов – выдающийся киноактер, ставший популярным после фильмов «Коллеги», «Звезда пленительного счастья», «Приключения Шерлока Холмса», замечательный режиссер мультипликационного кино – достаточно вспомнить поставленных им по собственному сценарию «Бременских музыкантов», его голосом говорят любимые уже несколькими поколениями герои мультфильмов – Крокодил Гена, Карлсон. Но он еще и талантливый драматург, писатель, наблюдательный и остроумный художник...

Все эти ипостаси народного артиста России представлены в только что выпущенной издательством «ЭКСМО» книге Василия Борисовича «Помни о белой вороне. Записки Шерлока Холмса». Предлагаем вниманию наших читателей несколько страниц из этого увлекательного повествования.

ВСТРЕЧА С РАНЕВСКОЙ

После успеха мультфильма «Малыш и Карлсон» на киностудии «Союзмультфильм» решили сделать продолжение – «Карлсон вернулся».

Режиссер Боря Степанцев почему-то вбил себе в голову, что персонаж домоправительницы фрекен Бок должен говорить только голосом Фаины Георгиевны Раневской. Даже настоял, чтобы художник Юра Бутырин изобразил домоправительницу максимально похожей на знаменитую актрису.

Но одно дело захотеть, а совсем другое – заполучить согласие Раневской на работу в мультфильме, особенно когда выяснилось, что актриса никогда в такого рода творчестве участия не принимала.

Теперь успех зависел только от «переговорщицы»! Эта нелегкая задача выпала на редактора фильма Раечку Фричинскую. Оказалось, что Фаина Георгиевна «Малыша и

Карлсона» уже видела на телеэкране и особенно отметила мою актерскую работу. Дальше Раечка пустила в ход свое очарование, и в результате было назначено совершенно конкретное время озвучания, а именно «завтра, в два часа дня».

Это «завтра» застало режиссера Бориса Степанцева врасплох. Боря вышел в режиссеры из художников совершенно самостоятельно, режиссерские навыки постигал опытным путем, а работу с актерами строил на полном взаимном доверии.

Но тут – Раневская! Нельзя же ей сказать: – ты, мол, давай, а я по ходу дела скажу, что мне понравилось, а что не понравилось.

Боря впал в панику. Он бросился в театральную библиотеку, записался на абонемент и набрал домой книг, о которых раньше знал только понаслышке: «Работа актера над собой» К.С. Станиславского, «В.И. Немирович-Данченко на

репетиции», «Театр Вс. Мейерхольда» и черт знает что еще. Всю ночь, не смыкая глаз и поддерживая себя крепчайшим кофе, Боря штудировал труды патриархов и корифеев театральной режиссуры, выписывая на бумажку наиболее поразившие его профессиональные откровения, и продолжал делать это и утром, пока не наступило время ехать на студию. В общем, Боря оказался в положении закоренелого двоечника, который сидит за учебниками в последнюю ночь перед государственным экзаменом и молит бога о том, чтобы вытащить самый легкий билет.

Но билет-то был всего один и совсем не легкий – Раневская.

И вот пробил назначенный час, и в просторное помещение тонателье вплыла, покачиваясь, монументальная фигура прославленной актрисы. Раечка, пользуясь телефонным знакомством, представила собравшихся. Собственно, собравшихся было двое: я и Боря Степанцев – режиссер. Да еще звукооператор, отгороженный толстым витринным стеклом, через которое было видно, что он вежливо привстал со стула.

Когда звуконепроницаемая дверь тонателье за Раечкой закрылась, Фаина Георгиевна величественно наклонила голову в сторону режиссера (Степанцев был невысокого роста) и протяжно произнесла:

– Ну-у-у...

И тут Боря ударил фонтаном. Кто видел, как запускают фонтан в действие после долгого зимнего перерыва, когда вода со свистом ударяет ржавой струей на немыслимую высоту, тот сможет оценить сравнение. Все сведения, которыми Боря набивал свою переутомленную голову всю

ночь и большую часть утра, теперь вырвались на свободу, немыслимо перепутавшись в еще никем не слыханную теорию работы с актером. Боря от природы слегка заикался одним глазом, а тут зрачки его совершенно разъехались по обе стороны лица, и было заметно, что Раневская пыта-

ется поймать его взгляд, но ей это никак не удается.

– Ну вот что, – вдруг произнесла Фаина Георгиевна, когда фонтан несколько иссяк, – мне карманный Немирович-Данченко не нужен! Идите вот туда, – ее палец указал в сторону звукооператорской рубки, – и смотрите на нас из это-

«В КАЖДОМ ТЕАТРЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ СВОЙ Л

го аквариума. А мы с Василием Борисовичем начнем работать.

Режиссер Степанцев безропотно отправился в «аквариум», и я видел через стекло, как он достал из кармана какую-то бумажку, украдкой заглянул в нее и быстро сунул обратно в карман. Понял, что шпаргалка не поможет.

Партнерский контакт между мной и Фаиной Георгиевной установился мгновенно.

– Это вы сами придумали «день варенья»? Я сразу поняла – импровизация. Шалунишка...

Через некоторое время режиссер пришел в себя и стал выкрикивать в микрофон: «Прекрасно!» или «Замечательно!» Наверное, искал способы профессионально реабилитироваться.

Когда дошли до единственной реплики фрекен Бокк о возможном приезде к ней телевидения, Фаина Георгиевна призналась, что на работников телевидения за что-то сердита и хотела бы их немного «уесть». Придумали так:

«Раневская. Сейчас ко мне должны приехать телевизионные деятели искусств. Что же я им буду показывать?

Я. А я? А меня? Ведь я красивый, в меру упитанный мужчина, в полном расцвете сил!

Раневская. Но на телевидении этого добра хватает!

Я. Но я же еще и талантливый!»

Озвучание закончили довольные друг другом. Режиссер Степанцев вынырнул из своего «аквариума» и попросил Раневскую завершить роль словами «Милый... милый».

– Это еще зачем? – строго спросила Фаина Георгиевна. – Я же это уже говорила, давно и в другом фильме. Не буду! – И потребовала у Бориса Степанцева принести ей лист бумаги, на котором написала:

«Милому Василию Борисовичу от его партнерши, с большой искренней симпатией и с ожиданием новой встречи!

Ф. Раневская.

Весна 70-го года».

В финале мультфильма Фаина Георгиевна все-таки говорит: «Милый... милый...»

Эти слова после долгих уговоров талантливо сымитировала «под Раневскую» редактор Раечка Фричинская. Говорили, что Фаина Георгиевна, посмотрев мультфильм, подделки «не заметила». Думаю, ей стало жаль, что так сурово обошлась с режиссером.